

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА (ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

Е. А. Болтовская (Могилев)

СПОСОБЫ АКТУАЛИЗАЦИИ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Реализация выразительного потенциала единиц морфологического уровня в поэтическом тексте зависит не только от их лексико-грамматических свойств, но и от способов актуализации, приводящей «к нарушению привычного соотношения между лексическим и грамматическим в слове: грамматическое из невыделенного и автоматического превращается в выделенное» [1, с. 373]. На закономерности проявления частеречных значений и формирование на их основе поэтических смыслов обратил пристальное внимание Р. О. Якобсон: «...поэзия, налагая сходство на смежность, возводит эквивалентность в принцип построения сочетаний. Симметричная повторность и контраст грамматических значений становятся здесь художественными приемами» [2, с. 467]. В текстах русских и белорусских поэтов XX в. в качестве регулярных и продуктивных способов выдвигания морфологических значений отчетливо выявляются соположение и аттракция. Рассмотрим подробно каждый.

I. Морфологическое соположение (или контраст (Р. О. Якобсон)) однокоренных лексем по отношению друг к другу в лирическом тексте как целостном единстве. К разновидностям этого способа относятся межчастеречное соположение и внутрикатегориальное соположение.

1. Морфологическое соположение однокоренных лексем, относящихся к различным частям речи (межчастеречное). Соотнесенность частеречных оппозиций усиливает корневое значение и выделяет противопоставленные грамматические общекатегориальные значения. В близком контексте могут взаимодействовать имя существительное и имя прилагательное (*Ну и карточный игрок!* / *Ну и стол игорный!*

(М. Цветаева); *Думны без думак, / Чысты без чысціні, / Тойсамы / Знутры і знадворку, / Утульваеашся ў нябыт...* (А. Рязанов); *Але дабро я не зрабіў дабрэйшым...* (Л. Дранько-Майсюк); *Я на лесе блукаю ад самага ранку – Пазбаўляюць спакою мяне верасы! / Вераснёвыя ночы празрыстыя, зорныя ... Верасы зацвілі! Сэрца радасцю поўніцца, / Мне б Радзіму цяпер Вераснянкаю зваць!* (Р. Боровикова) – формуруецца текстообразующая цепочка *верасы – вераснёвы – Вераснянка*); імя существительное и глагол (*Сваю так оберег он тайну, / как если бы ловил и окликал ловца* (Б. Ахмадулина); *Сяджу дома – / не падарожнічаю, не вандрую. / Падарожнікі апавядаюць / пра свае ўражанні і назіранні – / назіраю адно за імі* (А. Рязанов)); даже имя существительное и наречие: *Нібы ўбіваюцца ўглыб / Апоры, / Калі будуюцца дом, / З глыбіні / Праступаюць задумы, / Каб неўзабаве / Звязацца ў цэласны тэкст, / Як гліна* (А. Рязанов).

2. Внутрикатегориальное морфологическое соположение обладает высоким экспрессивно-семантическим потенциалом. Этот тип актуализации грамматической семантики регулярно воспроизводится в поэтическом тексте: *От всех обид, от всей земной обиды / Служить тебе плащом* (М. Цветаева); *Легло на город громадное горе / И сотни маленьких горь* (В. Маяковский) – окказиональная форма множественного числа от абстрактного существительного *горе* служит выделению значения «один – много»; *Так писем не ждут. / Так ждут письма* (М. Цветаева) – в данном примере соположением форм числа подчеркивается разница между неопределенностью (письма вообще) и определенностью (конкретное письмо). Распространено соположение форм числа и в текстах белорусских авторов: *З усіх навук адной навуцы / Каб мы вучыліся з табой...* (Л. Дранько-Майсюк); *Цяпер знаю: / З усіх моў – / Найцяжэйшая мова людская* (М. Танк). Оппозиция числовых форм способна оживлять метафору, выделяя элементы образности: *Горы времени – у горы!* (М. Цветаева); *Вперед, вперед, с сожженными губами – / Пока Обетованная земля / Большим горбом не встанет над горбами* (М. Цветаева) – прямое значение лексемы *горб* проявляется в форме множественного числа, а переносное, метафорическое, значение называет возвышенность, т. е. элемент ландшафта. В поэтических текстах довольно часто наблюдается соположение разных падежных форм одной лексемы: *Так человек, отпав от века, / зарытый в новго-*

родский ил, / прекрасный образ человека / в душе природы заронил! (Н. Заболоцкий); *У колодца расколется / Так хотела бы вода, / Чтоб в колодце с позолотцей / Отразились провода* (В. Хлебников); *У балей блакитнай іржа – / У балюю выкідвалі рыбу* (Л. Дранько-Майсюк); *Знаходзіць сама ў сабе / Безліч рэчаў, / Але саму сябе / Губляе* (А. Рязанов); *Калі ўзыходзіў на вежу – вежаю разважаў, / калі ішоў на дарозе – дарогаю бачыў...* (А. Рязанов) – смена падежей на морфологическом уровне поддерживает свойство перевоплощения в предметы, способ вживания в них, чтобы лучше раскрыть их сущность. Нередко можно встретить сочетание межчастеречного и внутрикатегориального соположения: *Дзе завяззю, а дзе цвіцнем / жыццё, – нібы глыбокі ўздых, / я на зямлю прыйшла не цемем, / прыйшла жывой – сярод жывых* (Р. Боровикова). Соположение нескольких (больше двух) падежных форм одной лексемы – полиптотон (многopaдежие) – носит отчетливый интенциональный характер и представляет собой результат морфологической селекции по категориальному признаку: *А за полем полей поле новое / Треугольным летит журавлем* (О. Мандельштам); *Бежит волна – волной волне хребет ломая...* (О. Мандельштам).

II. Морфологическая аттракция (притяжение, привлечение, уподобление (Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, Е. А. Скоробогатова), скопление эквивалентных форм (Р. О. Якобсон), сгущение грамматических значений (И. А. Ионова), грамматические ряды (Е. Н. Ремчукова)) – концентрированное использование поэтами однотипных грамматических форм с целью формирования ассоциативного пространства текста.

1. Весьма распространенным типом морфологической аттракции в русских поэтических текстах является избыточное с точки зрения современной грамматики повторение предлога перед определением/определениями и перед определяемым словом, что стилистически окрашивает текст, указывая на его связи с древнерусской традицией: *... Перекрещусь – и тихо тронусь в путь / По старой по дороге по калужской* (М. Цветаева); *Вдоль обрыва по-над пропастью / По самому по краю / Я коней своих нагайкою стегаю* (В. Высоцкий); *Как занесло васильковое семя / На Елисейские, на поля?* (А. Вознесенский) – повтор предлога актуализирует значение словоформы *поля* и делает одинаково значимыми оба элемента топонима *Елисейские поля*, разрушая идиоматичность последнего путем выделения его внутрен-

ней формы. *Поясной поклон, благодарствие / За совет да за милость царскую, / За карманы твои порожние / Да за песни твои острожные, / За позор пополам со смутю, – / За любовь за твою за лютую* (М. Цветаева) – синтаксическое разнообразие отношений между знаменательными словами (однородность между существительными и подчинение между существительным и прилагательным, существительным и местоимением) сочетается с их падежным единообразием. Приведем примеры из белорусских поэтических текстов: *Па пясчаных дарогах, па гразкіх дарогах, / на дарогах, якім канца не відаць...* (В. Короткевич); *Каб не баяцца хадзіць у лес, панастаўлялі аднавяскоўцы ў лесе ўсялякіх пастак: на ліса, на рысь, на ваўка, на дзіка, на мядзведзя...* (А. Рязанов). Повтор предлога *на* служит средством фольклорной стилизации текста. А форма единственного числа существительных употребляется в переносном собирательном значении. *І пачалі яшчэ горай людзі баяцца лесу: / там водзяцца рысі, / там водзяцца лісы, / мядзведзі, / ваўкі / і – пасткі.* В однородном ряду одушевленных существительных словоформа *пасткі* (капканы) персонифицируется. Исползованный в начале текста сингулярный ряд для перечисления обитателей леса заменен в конце на плюральный, чтобы показать всеохватность страха людей перед многоликой неизвестностью.

2. Грамматическая аттракция может проявляться в отборе морфологических форм на основе уподобления и их функционировании в конструкциях с однородностью и параллелизмом: *И грусть ледяная / расскажет утихшим волненьем в крови / О счастье без рая, / глазах без улыбки и снах без любви* (Н. Гумилев); *Не описывай заранее / Ни сражений, ни любви. / Опасайся предсказаний, / Смерти лучше не зови!* (А. Тарковский) – все дополнения в родительном падеже, что сближает их смыслы. В поэтических текстах М. Цветаевой и И. Бродского часто встречаются симметричные конструкции с присубстантивным управлением, из которых формируется такая стилистическая фигура, как хиазм: *Вот пример / зависимости правды от искусства, / а не искусства от наличья правды* (И. Бродский); *Но что до безобразия пропорций, / то человек зависит не от них, / а чаще от пропорций безобразья* (И. Бродский); *Могла бы – взяла бы / В утробу пещеры: / В пещеру дракона, / В трупобу пантеры* (М. Цветаева). Как частный случай грамматической аттракции можно рассматривать примеры «нанизывания» однопадежных форм, чаще всего – форм ро-

дительного и винительного падежей: *Река и улица вдохнули / любовь в потертые дома, / в тома дневной литературы, / догадок вечного ума* (И. Бродский) – словоформы одного падежа здесь связаны то параллельно – в синтаксический ряд однородных членов (*река и улица; литературы, догадок*), то последовательно – в цепочку (*вдохнули любовь в дома, в тома; в тома догадок; догадок ума*). У той адзіноце, / Як стома, / Жыве спамінанне / **Пра страты** малыя, / **Пра клопаты** / **И пра каханне** (Л. Дранько-Майсюк). Текстам белорусских авторов присуще скопление эквивалентных форм: *Музыка птушак і ранку ў бары, – / смеіцца, / плачце, / жадайце, / тужыце, – / звонкія гуслі бяруць гусяры / і васілёк апяваюць у жыцце...* (Р. Боровикова); *Ёй без мяне не справіцца / **З праполкай, / З камарамі, / З сонцам*** (М. Танк); *Пры зайздрасці, падмане, раўнадушыі – Яшчэ хапае сілы і любей* (Е. Янишиц); *Молада. Зажурана. І ясна. / Ціха, бы ў таежнім тупіку* (Е. Янишиц) – довольно редкий для белорусской поэзии случай концентрации слов категории состояния. Для поэтических текстов М. Танка характерен этот способ актуализации морфологического значения (см., например, стихотворения «Прасіў: не шкадуў напачатку...», «Можаш мяне дакараць...», «Як позна зразумеў...», «Я люблю ранні час...»): *Пачалося ўсё даволі будна: / Ад сустрэчы з ёю каля студні, / Ад яе, асмужыўшай, усмешкі, / Ад забаві і гульні на вячорках, / Ад блукання на самотных сцежках, / Аж да ранняй мігатлівай зоркі, / Аж да звону чарак пад кліч «Горка!»* (М. Танк) – стихотворение построено на антонимичности значений предлогов *ад* – *да* и нанизывании форм родительного падежа.

3. Соположение разнопадежных граммем существительных с омонимичными флексиями или существительных и прилагательных с омонимичными флексиями – более редкое явление в русской поэзии: *Слишком дряхлы струны лир: / Золотой ракеты струны / Укрепил и бросил в мир / Англичанин вечно юный* (О. Мандельштам) – совпадение форм именительного и винительного падежа подчеркивает внешнее сходство лиры и теннисной ракетки. Второе полустишие снимает многозначность, но образ ракетки-лиры остается в читательском сознании. Особый случай выявляется тогда, когда омонимия флексий совмещена с омонимией корней: *Мерцала на склоне банка / возле кустов кирпича. / Над розовым шпилем банка / ворона вилась, крича* (И. Бродский); – *Сдала бы труппе – в учебу: / В кустову, в хвощову, в ручьеву, в плющову* (М. Цветаева) – грамматическая игра возникает при сопо-

ложении омонимичных падежных окончаний существительного и притяжательных прилагательных.

1. Скоробогатова, Е. А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени): монография / Е. А. Скоробогатова. – Харьков: НТМТ, 2012.

2. Якобсон, Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии / Р. Якобсон // Семиотика; [сост., вступит. статья и общ. ред. Ю. С. Степанова]. – М.: Радуга, 1983. – С. 462–482.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А.Лаврентьева